

Глава 5. Зять-примак

Собрав всё необходимое, Лю Тяньцзяо с тяжёлой ношей в руках отправился в дом Вэев. Стоило ему завидеть Вэй Вэнькана, как он, не утруждая себя лишними церемониями, бросил:

— Послушай, отец велел мне прийти, помочь с обедом.

Лицо хозяина дома оставалось бесстрастным, но голос прозвучал мягко:

— Благодарю за труды.

Тяньцзяо протянул ему корзину и свёрток:

— Что толку от пустых слов? Подсоби лучше, руки обрывает, до того тяжело.

Вэй Вэнькан поспешно перехватил поклажу. Почувствовав вес — добрый десяток цзиней мяса и тяжёлую, бьющую хвостом рыбину, — он растерялся:

— К чему столько?

Юноша лишь фыркнул:

— Скажи спасибо моему отцу, он за тебя всей душой болеет. Да не стой столбом, веди на кухню, мне ещё возиться со всем этим.

Больше Вэнькан не проронил ни слова. Он проводил гостя к покосившейся мазанке под соломенной крышей — крохотной лачуге площадью едва ли в пять квадратных метров. Внутри всё было скудно: две печи, один котёл да колченогий деревянный стол с изрезанной доской для овощей. Свет здесь был на диво ярким — в одном месте ветер в клочья разнёс старую солому на крыше, открыв вид на небо.

Цзяо-гэ'эр окинул взглядом тесную каморку, где и двоим-то было не развернуться, и едва не схватился за голову:

— Ты тут вообще хоть когда-нибудь готовишь?

Заметив на лице гостя неприкрытое отвращение, Вэнькан против воли смутился:

— Готовлю.

Его собеседник указал на дыру в потолке:

— А в дождь ты как справляешься?

Тот промолчал.

Тяньцзяо всё понял без слов: в дождь хозяин, должно быть, сидел голодным.

«Какая уж тут выгода, — горько усмехнулся он про себя. — Зато зерно целее будет»

Впрочем, злорадство быстро сменилось досадой. Знай он заранее, в каком упадке хозяйство Вэев, велел бы отцу ещё вчера сложить печь во дворе, но теперь сокрушаться было поздно.

Глубоко вздохнув, Лю Тяньцзяо решительно произнёс:

— Забирай всё, пойдём ко мне. Дома приготовлю, сюда готовенькое принесём. Благо идти недалеко, только мороки прибавится.

Вэнькан, видя его мрачный вид, спорить не решился и послушно последовал за ним.

Уже дома юноша поначалу хотел поручить спутнику какую-нибудь мелочь — чеснок почистить или овощи обмыть, но тот оказался настолько неловок, что только под руку лез. В конце концов, окончательно раздосадованный Тяньцзяо просто выставил его вон:

— Иди-иди, занимайся своими делами, не мешайся тут.

Вэй Вэнькан, глядя на прилипшую к пальцам чесночную шелуху, вдруг остро почувствовал собственную бесполезность.

Его помощнику же было не до чужих терзаний. Он вертелся у печи, то подбрасывая дрова, то споро работая ножом — некогда было и дух перевести.

Когда люди вернулись с похорон, единственный приличный стол в доме Вэй — массивный «стол восьми небожителей» — уже ломился от яств.

Свинина соломкой с острым перцем, прозрачная крахмальная лапша, тушённая с мясом и квашеной капустой, обжаренная до хруста свиная требуха, рыба в густом соусе, наваристый суп из желудков, яйца с нежным джусаем, обжаренные побеги батата, лёгкий суп с тофу и пекинской капустой, хрустящий арахис в кисло-сладком соусе и салат из битых огурцов — от одного вида этих блюд слюнки текли, а густой аромат кружил голову.

Шедший первым Шао Цин, едва переступив порог, воскликнул:

— Откуда такие запахи? На стряпню Цзян Дацзао не похоже... Мальчишка Вэй, где ты такого повара отыскал?

Лю Лаода довольно усмехнулся:

— Ты погоди хвалить, сначала отведай.

Вэй Вэнькан поспешил навстречу гостям:

— Уважаемые дядюшки, присаживайтесь, вы сегодня потрудились на славу.

С этими словами он достал кувшин и принялся разливать вино. Стоило аромату разлететься по комнате, как мужики так и замерли в изумлении:

— Что за доброе вино? Дух-то какой крепкий!

— От отца осталось, — коротко пояснил хозяин дома.

При жизни матушка Вэй не раз поминала это вино. Говорила, отдали за него целых восемьсот монет, хранили долгие годы — берегли к тому дню, когда сын сдаст экзамены и станет цзюйжэнем. Тогда-то и надлежало потчевать им почтенных гостей.

Теперь же Вэнькану всё это казалось суетой. Пустое... Лучше уж угостить тех, кто пришёл помочь. В их деревне, где всяк живёт сам по себе, то, что люди согласились подсобить в таком скорбном деле, дорогого стоило.

Сделав по глотку отменного вина и закусив пряной, истекающей соком требухой, гости довольно зажмурились. Пожалуй, и небожителям живётся не слаще.

— Ух, хорошо! Вино знатное, а еда — и того лучше! Мальчишка Вэй, признавайся, кто это у тебя на кухне колдует? Когда мой старший жениться вздумает, всенепременно позову этого мастера стол накрывать.

Лю Лаода расхохотался:

— На пир-то его звать толку мало, мой Цзяо-гэ'эр только на один стол и горазд готовить.

Шао Цин едва не поперхнулся:

— Неужто Цзяо-гэ'эр?! Лю Лаода, ну ты и хитёр, в тайне такое сокровище держал! С таким-то умением разве стоило бояться, что замуж не возьмут?

Мясник лишь отмахнулся, продолжая улыбаться:

— Да что там... От сяоде своего перенял кое-какие основы, да сам любит покорпеть над кастрюлями. Где уж ему с настоящими поварами тягаться.

Тут все невольно вспомнили покойного сяоде Тяньцзяо — и впрямь был человек редкостного трудолюбия. Мало того, что по дому всё спорилось дастряпня была отменной, так ещё и вышивал он искусно. Его платки и туфли в городе за добрые деньги уходили.

Не будь супруг мясника таким работящим, разве смог бы Лю Лаода, вернувшийся с войны бобылем и рассорившийся с роднёй, так быстро встать на ноги и справиться крепкое хозяйство? А ведь репутация у него в те годы была хуже некуда.

Отчего же столь ладный гэ'эр пошёл за него? Всё оттого, что гэ'эр и в лучшие времена выдать замуж труднее, чем девушку. Да ещё и родня у покойного оказалась жадной до крайности: держали его дома лишние годы, чтобы заработал им побольше, да и затянули время.

В Великой Цянь после былых войн народу поубавилось, девиц да гэ'эр в шестнадцать лет уже под венец вели, а в семнадцать и вовсе засидевшимися считали. Сяоде Тяньцзяо к свадьбе целых двадцать годков исполнилось — кто ж на такого посмотрит?

Но родне покойного и того было мало: заломили выкуп в двадцать лянов серебра. Каким бы умельцем ни был суженый, никто не хотел в убыток себе такую цену платить. Все в деревне тогда зубоскалили, мол, Лю Лаода совсем от одиночества рассудок потерял, раз на такую сделку пошёл.

Из-за тех двадцати лянов и вышла главная ссора: в старом доме Лю пронюхали, что Старший Лю припрятал часть наградных денег, и его мать ещё долго под окнами выла, проклиная «неблагодарного сына».

Кто-то из гостей полюбопытствовал:

— Уж если супруг твой так искусно рукодельничал, то и Цзяо-гэ'эр, небось, цветы вышивать умеет?

— Где там, — отозвался Лю Лаода. — Тот говорил, что от этого глаза болят, и не пускал его к пальцам.

Лекарь ведь так и сказал: глаза у сяоде Тяньцзяо совсем ослабли от вечного шитья.

Вопрошавший заметно расстроился, но тут же рассудил иначе: пусть Тяньцзяо и не белоручка, зато силы ему не занимать, да и свиней резать умеет. В хозяйстве такой помощник почище любого мужика будет.

Подумав об этом, он решился спросить:

— Лю Лаода, а присмотрел ли ты уже семью для сына? Какому дому думаешь его отдать?

Ответ мясника прозвучал как гром среди ясного неба:

— Ни в какой дом я его не отдам. Намерен я взять зятя к себе.

Все так и застыли с раскрытыми ртами. А впрочем, если рассудить, решение было верным. Лю Лаода — единственный корень в своей семье, и чем отдавать нажитое добро чужакам, не лучше ли взять мужа в дом примаком, чтобы всё под своим присмотром держать?

Зная крутой нрав отца Тяньцзяо, мужики поняли: раз уж он так решил, то не отступится. Лишь тот, кто спрашивал, втайне выругался на свою непутёвую жену — та в своё время всё упрямилась, не желая сговаривать Цзяо-гэ'эр за их старшего сына, мол, «гэ'эр больно порывист». Теперь-то кусать локти поздно.

Отобедав, гости помогли прибраться и разошлись. Вэй Вэнькан, который в последние дни перебивался лишь пустой кашей, давно не видел столько жирной посуды. Ему потребовалось немало времени, чтобы всё перемыть до скрипа, прежде чем нести обратно в дом Лю.

Тяньцзяо, увидев, что утварь возвращена в чистоте, ничего не сказал — лишь молча велел занести всё в дом.

Жизнь потекла привычным чередом. Лю Лаода всё так же поднимался затемно, чтобы собрать и забить свиней. В летний зной мясники всегда были настороже: малейшее промедление — и мясо «задохнётся», поэтому забивали скотину на рассвете.

Из-за жары юноша спал чутко и, услышав возню в отцовской комнате, тоже решил подняться.

Его отец как раз умывался, когда увидел сына.

— Рань ещё, поспал бы, — негромко проговорил он.

Тяньцзяо покачал головой:

— Не спится, душно. Пойду в огород, наберу овощей, почищу всё — вместе в город отвезём, на

продажу.

В городке у многих земли не было, зелень покупали на рынке. Тяньцзяо частенько пристраивал в лавке корзину-другую с грядок — какая-никакая, а копейка на личные расходы.

Лю Лаода спорить не стал:

— Тогда, как приедем, ты в лавке прикорни часок-другой.

Лавка их была невелика, но поскольку туши привозили уже разделанными, места хватало. В углу там стояла лежанка, чтобы можно было передохнуть в жару.

Когда сяоде Тяньцзяо был ещё жив, отец каждое утро брал сына с собой в город. Сначала покупал ему горячий завтрак, какой тот пожелает, а потом укладывал досыпать прямо в лавке.

Сочные пампушки с мясом, хрустящие слоёные лепёшки, острый суп хулатан, что привозили из дальних краев, да всякие сладости — Лю Лаода всегда находил способ раздобыть для сына самое вкусное. Иначе как бы гэ'эр, оставшийся без родительской ласки, вырос таким крепким и статным?

Проводив отца, юноша первым делом промыл дроблёный рис и бобы — поставил вариться кашу. Летом холодная каша даже вкуснее кажется.

Замесив тесто для луковых блинов и накрыв его чистой марлей, Тяньцзяо отправился в огород.

Он набрал фасоли, баклажанов и перца, тщательно вымыл молодую капусту и нежный лук, связав их в аккуратные пучки.

Сын мясника работал споро. Не прошло и часа, как всё было готово. Вернувшись домой, он быстро умылся, испёк лепёшки, и как раз в это время вернулся отец.

Увидев на телеге огромную тушу, Тяньцзяо изумился:

— Отец, в такую-то жару... Зачем ты взял такого жирного борова? Разве распродадим до вечера?

Лю Лаода вытер пот со лба:

— У господина Ци, что держит мануфактуру, внук родился. Вечером пир горой, просили мяса доброго доставить.

<http://bllate.org/book/15343/1372741>